

И БАНДИТ ПРОЛИВАЕТ СЛЕЗУ

Борис полагал, полтора месяца с того дурацкого случая, когда жена застучала его в автомобиле с девицей (шикарной до одури и такой же до одури тупой), достаточно, чтобы остыть. Видела-то она всего лишь поцелуи. Поцелуи! Это что — повод? Если бы в постели — тогда понятно, а поцелуи... Зачем же делать резкие движения, зачем кутерьма с разводом? Да, оба встретились на ступеньках у входа в ЗАГС, чтобы развестись! По инициативе Софии. То есть она бросает его. Его! Делать ей больше нечего.

Он скосил глаза на жену... настроена серьезно, держится уверенно, спокойна, как удав на охоте. София обмахивалась плоской белой сумочкой, иногда вытирала платком лоб под светлой челкой — жарко ведь — и поглядывала на часы. Короче, она отсекала от себя Бориса, ни о каком примирении не помышляла, у нее идея фикс — поскорее поставить точку. А он упорно намекал и намекал на примирение, пока не услышал:

— Боря, отстань, а?

Пока еще законный муж осекся на полуслове с открытым ртом. Надо же, предложив отстать, а это как-никак грубость, зеленые глаза Софии излучали сплошное миролюбие! Ни грамма раздражения, озлобления или хотя бы недовольства. Смотрела на Бориса по-доброму и, можно сказать, с эдакой ненавязчивой улыбкой. Какое-то иезу-

итское миролюбие. Зато у Бори есть не менее иезуитская манера изумляться простым вещам, будто он искренне надеялся на противоположную реакцию.

— А что такого я спросил? — поднял он плечи, отреагировав на «отстань».

— Не надоела ли мне поза оскорбленной, — процитировала его фразу София на безобидной улыбке. — Ты серьезно думаешь, что на развод я подала ради позы? То есть хочу что-то там доказать тебе? Забавно. Идем?

— У нас еще есть время, — буркнул Боря и отвел взгляд в сторону в знак большой обиды.

Настала очередь Софии покоситься на мужа, он верен себе: с виду джентльмен — куда там, а внутри — капризное дитя, выгадывающее для себя пряники с коврижками. Но детке скоро тридцать восемь, мог бы в столь далеко не нежном возрасте сообразить, что все, конец. Однако Боря не дурак, в бизнесе дураков не водится, отсюда вывод: не хочет муж соображаловку включать.

— Чего тебе не хватало? — завел он заунывную песнь обиженного. — Ну, да, да! Целовался. Осознал, что был дурак. Со всеми случается. Каюсь. Прости.

Ух, ты! Кажется, это первый раз за их совместную жизнь Боря просит прощения, пусть протестным, возмущенным тоном — по-другому он не умеет, но просит простить его! Думает, этого достаточно. София не могла не рассмеяться:

— Борь, смирись, мне по барабану, с кем ты целуешься и спишь. Я к тебе не вернусь. Никогда!

— Почему? — Наива с тонну выписал пока еще муж!

София перестала смеяться, уставилась на него взрослыми глазами на лице хорошенькой студентки первого курса (а ей, извините, тридцать три недавно стукнуло), уставилась с жалостью во взоре. Из-за челки, закрывающей брови, и свисающих вдоль скул прямых прядей волос ее глаза потемнели, казалось, София рассержена, но

ничуть не бывало. Стоило ей мотнуть головой и откинуть волосы назад, выражение безмятежности вернулось, а Борис, наконец, признал с большим разочарованием: жене без него — классно, ее даже не будет мучить совесть, что она поступает с ним бессердечно.

Он не на шутку занервничал. Ему с ней было так удобно, так комфортно, София ведь непритязательная, не доканывала его дикими запросами с истериками — мол, купи, дай, хочу; не терзала глупой ревностью, а поводов было — хоть отбавляй, но Боря не попадался. Ему не хотелось ничего менять в своей жизни, все устраивало, абсолютно все. Дурацкая случайность разрушила идеальный для Бориса вариант союза, в самый неподходящий момент жена (и откуда она взялась?) залезла в автомобиль на заднее сиденье, когда он с упоением целовал губки-щечки-шейку и тискал силиконовую грудь. София не закатила скандала, а спокойно, будто на курорт ехала, собрала вещи и переехала к папе, встретиться отказывалась, только твердила, как дрессированный попугай: развод... развод. Полтора месяца не виделись, он получал приглашения на процедуру развода, но сам тянул время, надеясь, что супруга не идиотка, одумается, ведь Боря — находка для любой бабы.

— А вот и я! — подскочил к ним запыхавшийся Дикарь (это фамилия такая, с ударением на первый слог, а то удар на втором неприлично режет ухо). — Не опоздал, нет? Кругом пробки... Уф, жарко...

София терпеть не могла Борькиных друзей — заносчивые огрызки тухлого капитализма, а уж адвоката Дикаря органически не переваривала. Это алчное существо, хитрое и наиподлейшее, с нездоровой полнотой и улыбочкой кота, который в чем-то провинился, но ни за что не признается, в чем.

— Ты-то тут при чем? — нахмурила брови София, измеряя немилосердным взглядом адвоката, ибо заподозрила подлянку.

— Понимаешь, София... — начал тот нахально-оптимистичным тоном, вытаращив рачьи глазенки. Нахальный тон потому, что с первых звуков Дикарь уже давил на нее, подчиняя, однако не на ту напал. — В конфликтах главное что? (Она лишь подбородок вздернула, мол, что?) Примирение! Между вами я хочу выступить в роли посредника, это почетная миссия — сохранить семью. Дорогая...

Он взял ее за локоток, увлекая на расстояние от Бори, якобы пошептаться, София высвободилась и вернулась к отставному супругу. Итак, дело приняло странный оборот, посему, достав из сумочки смартфон, она стала водить по нему пальцем, слушая трескотню Дикаря:

— Столько лет вместе и... разрыв! Милая, ты же потереешь достаток! Это, конечно, мелочь, но когда этот достаток имеется в полном объеме, его не замечаешь, потому что к хорошему привыкаешь быстро и навсегда. Когда же достатка лишаются... О, тогда человек чернеет, звереет и тупеет. Борис обеспечивал тебя, одевал, украшал...

— Побрякушки я оставила бывшему мужу в приданое, — вставила София. — Для следующей жены.

— Не язви, тебе не идет! Пойми, я серьезно хочу предостеречь тебя от необдуманного шага...

— Дикарь, отстань, а? — бросила она ту же фразу, что и Боре.

— Нет, погоди! — встал он перед ней. София невысокая, а этот... рыхлый мужчинка с рожицей комика еще ниже. — Я всего лишь хочу, чтоб ты с практической точки зрения посмотрела на свой каприз. Если рассчитываешь получить при разводе...

— Ах, вон что! — рассмеялась она, приложив смартфон к уху. — Борька трепещет, потому что я могу потребовать долю? Ты же адвокат, Дикарь! Должен знать: если бы я хотела что-то получить, мы развелись бы в суде, а не ЗАГСе. Детей у нас нет...

— Да разведут-то вас в два счета, — заверил он. — А что касается имущества, делят его годами в судебном порядке и после развода.

— Мне, кроме развода, ничего не нужно.

— Короче, я отказываюсь разводиться, — вдруг заявил экс-муж.

София нервно хохотнула, демонстративно хохотнула, давая понять двум идиотам, что их ухищрения не помогут, но Борису следует еще и расшифровать свое отношение, а то он намеков не понимает:

— Борь, катись к черту! Я тебя не люблю.

— Ну и что! — в знак недоумения поднял плечи Борис. — Дружба между мужем и женой тоже имеет место быть. Это даже практичней.

— Издеваешься на прощанье? — огрызнулась София, у которой от маразма голова вспухла. — Алло!.. Артем, спасай! Достали уже.

Он сидел в автомобиле, стоявшем на противоположной стороне площади, и наблюдал в бинокль за происходящем на ступеньках ЗАГСа. Артем уже минут десять ерзал на сиденье, но София запретила ему сопровождать ее.

— А ведь говорил: давай вместе... — вылезая из авто, ворчал он.

Направился он через площадь, по которой в одну и в другую сторону ехали потоки автомобилей. Минуту спустя Артем стоял за спиной Софии, скрестив на груди руки, и вежливо поинтересовался:

— Что здесь происходит, господа?

Новый персонаж на минуту обесточил обоих мужчин, которые не рассчитывали, что появится гора Эверест в черной футболке с белыми черепами и черной бандане на голове — кто сейчас носит этот атрибут братков прошлого века? Кроме того, он привлекал бицепсами борца и довольно простецкой, но вполне симпатичной, улыба-

ющейся физиономией. Борис остолбенел, хотя немного был знаком с «ментом», но, видимо, потому и хватил его столбняк, что понял истинную причину развода. А Дикарь от этой массы подался корпусом назад и запрокинул голову, дабы рассмотреть персону, невольно выговорив:

— Это еще кто?

Ух, как он не любил чужие сюрпризы, а тут внезапно неожиданность выросла. Тем временем София, повернувшись к Артему, наябедничала:

— Представляешь, Борька сдурел, не хочет разводиться!

— Надо, Боря, надо, — мирно обратился к отставному мужу Артем, взяв Софию за плечи. — Мы немножко беременные, нам развод срочно нужен.

Шокированный Боря, вытаращившись, скользнул взглядом по жене сверху вниз и остановил его на животе. А ничего не видно. Наверное, из-за платья цвета морской волны, яркий цвет перетягивает внимание, однако платье-то свободного кроя... Все равно ничего не видно! Или срок небольшой? Боря даже шею вытянул вперед, а голову опустил — выглядел по-дурацки, стараясь таким образом разглядеть беременность, сразившую его, как отравленная стрела индейца когда-то убивала белых людей.

— Тем более вас не разведут! — радостно сообщил Дикарь, полагая, что задание клиента хотя бы оттянуть развод (если примирения не получится) реализовано без лишних хлопот. — Беременных в нашем гуманном государстве не разводят! У нас прекрасная, правильная страна.

— Она не от меня беременна, — хмуро остудил Борис.

— А это неважно! — отмахнулся от клиента адвокат. — Как твоя жена докажет, что ребенок не от тебя? Никак, пока он не родится. Так что, ребята, по коням и... по домам до рождения. Дети — это прекрасно!

— София, — наклонился к ней Артем, но на шепот не перешел, — это что за пигмей здесь в судорогах корчится?

— Адвокат Бориса, — просветила та.

— Ах, адвокат... — Артем отстранил Софию в сторону и по-хозяйски водрузил руки на пояс. — У меня масса способов укорачивать языки говорунам.

— Что вы себе позволяете! — раскраснелся от гнева Дикарь. — Ты вообще кто? Какое имеешь отношение...

Достав из нагрудного кармана жилета удостоверение, Артем сунул раскрытую книжечку под нос Дикарю, тем самым прервав его:

— Читать умеешь? Начальник уголовного розыска майор Курасов, к тому же имею прямое отношение к нашей беременности. Так вот, адвокат, я давно точку зуб на вашу жульническую породу, да все руки не доходят. Я и мои коллеги, рискуя жизнью, ловим преступников, а вы, адвокаты хреновы, отмазываете их. Но сейчас, когда задеваются мои кровные интересы, — указал он на живот Софии пальцем, — я возьмусь хотя бы за тебя и, поверь, найду повод прищучить.

— Вы мне угрожаете? — обалдел Дикарь.

— Предупреждаю. Улавливаешь разницу? А угрозы... обычно не применяю их, не люблю пустой треп, я сразу действую. Поэтому давай без осложнений.

— Пошли уже! — сказала София Борису, выдавая нетерпение.

— Минуточку, — схватил ее за руку Дикарь и тут же отдернул, опасливо посмотрев на Артема, который запросто одной лапой голову с плеч снесет. — Ты сказала, что тебе ничего не нужно, тогда... София, подпиши отказ от имущественных претензий на всякий случай, так сказать. А то бывает, разведется мирно, тут же одна из сторон подает иск, мол, были нарушены права под давлением, теперь требую половину имущества.

— Ах-ха-ха-ха... — закатилась София от смеха. — А разыграли представление — будь здоров! На самом деле ба-рахло превыше всего.

— М-да, нахваталась ты в ментовке словечек, — вздохнул Борис, затем покосился на Артема. — С кем поведешься...

— Не в ментовке, а в полиции, — поправила его София. — Мне нравится должность начальника пресс-службы, звучит круто. Идем, Боря! Из-за тебя и так откладывали сто раз наш развод, но теперь я хотя бы понимаю, почему ты не являлся: выдерживал меня. Вот прохвосты! Подписывать ничего не буду, в УВД меня научили внимательно читать документы, а на это требуется время, которого сейчас нет. Но, Боря! Даю тебе честное благородное слово: мне твое имущество, акции, деньги по барабану. Как и ты. Идем! Артем, подожди здесь.

— Может, лучше и мне с тобой? — настаивал он.

— Нет-нет, думаю, теперь проблем не будет.

Она решительно двинула в здание, за ней поплелся отставной муж, которого сопровождал раздосадованный Дикарь с папкой в руках. София слишком спешила, пришлось почти бежать за ней, при всем при том Борис не удержался от упреков на бегу:

— Ты променяла меня на этого жлоба? (София проигнорировала выпад.) — Значит, ты мне изменяла с ним, да?

— Главное, еще живя с тобой, я умудрилась ни разу не изменить Артему, — парировала она, намекнув, что неверна была до того, как ушла с чемоданами. — Жлоб, говоришь? Артем открыт, честен и никогда ничего не делает исподтишка, его уважают даже уголовники. А твои характеристики прямо противоположные. Хамишь, унижаешь, не замечая этого, весь такой прямолинейный, как доска. Но сам прекрасно распознаешь, когда тебе хамят, и твое самолюбие бесится. Значит, способен различать, где хорошо, а где плохо. А уж исподтишка урвать — ты в этом ас. Мне лапшу на уши вешал тоннами, а сам с бабами отрывался, не считая это изменами. Думаешь, я дура, не понимала? Мне просто было все равно. Пока

не встретила Артема. Но когда я ушла, до тебя дошло, что ты потерял бесплатную няньку и служанку. Все, Боря, твоя проблема — больше уже не моя, я оставляю ее полностью тебе.

Слова Софии ударили по самолюбию Бориса, ведь то, что позволительно цезарю, не позволительно вассалам. Однако ничего не попишешь, рабы восстали, в данной ситуации нереально что-либо изменить, пришлось войти в помещение, где ставят штамп и выдают свидетельство о расторжении брака.

Борис не помнил, чтобы София так радовалась хоть чему-то, она просто светилась, как галогенная лампа, получив бумажку-освобождение от уз Гименея. Собственно, он вообще не узнавал свою слишком холодную (в прошлом) жену, ее будто подменили на двойника-антипода. Она помчалась к выходу, словно девчонка, но никак не дама в положении, выйдя из здания, помахала бумажкой Артему и бросилась к нему. Он поймал ее, оторвал от земли и... поцелуй на глазах у отставного мужа и равнодушной публики! Ой, противная картина... Бориса коржило от этой сладости-радости, что не преминул заметить Дикарь и посчитал своим долгом посочувствовать:

— Неприятно, когда чужой мужик целует твою жену.

— Она мне уже не жена, — буркнул Борис.

— И радуйся. Характер у твоей Софии, знаешь ли...

Да будь спок, женщин все равно больше, чем нас, а богатых мужчин — мизер, так что первые красотки твои, отрывайся, пока не нацепил на шею новое ярмо. Лучше скажи, что еще ты успел переписать на свою маму до сегодняшнего дня?

— Из оставшейся половины — мало чего. Не успел.

— Плохо. Очень плохо.

— А кто учил постепенно переводить активы? Ты сам пугал органами, которые интересуются внезапными перебросами собственности на родных.

Был такой эпизод, ну, что тут скажешь? Дикарь промахнулся, только признавать свои ошибки не в его духе, а выкрутиться — на то он и адвокат:

— Ты буквально понял, частями перевести времени хватило бы. Остается надеяться, что София не опомнится и не вернется к разделу имущества.

— Не вернется, — хмуро заверил Борис. — Она в тесня, у обоих впереди бежит гордыня со спесью, аристократы хреновы.

— Как показывает моя адвокатская практика, там, где бабки, — уверенным можно быть только в себе.

— А в тебе? Как насчет уверенности в тебе? Ты чуть не сделал меня отцом чужого отпрыска.

— Только до родов, Боря. От отцовства в наше время легко отделаться, сделал генетическую экспертизу — и послал всех куда подальше. Ладно, я поехал, у меня сегодня еще процесс.

Борис вяло махнул ему на прощание, не отводя взгляда от парочки, перебегавшей в неполюженном месте проезжую часть площади — и эти люди на страже закона!

Артем открыл дверцу автомобиля со стороны пассажира, подождал, пока София сядет, после захлопнул и обошел машину. А Борька, весь из себя джентльмен (не говоря худого слова), никогда не открывал ей дверцу.

— Так кто из вас жлоб, Боря? — вырвалось у нее.

— Что? — плюхнувшись на сиденье, спросил Артем.

— Нет-нет, я сама с собой...

Она осеклась, потому что Артем протянул руку к ремню и пристегнул ее, сделал это машинально, привычно, потом лихо выехал с парковки. Нет, София и сама пристегивается — не безрукая же, но иногда забывает, тогда Артем пристегивает ее, потому что не любит напоминать одно и то же по сто раз. И не раздражается. Сегодня почему-то София обратила внимание на данный вроде бы незначительный факт, указываю-

щий, что она значит для него — он же постоянно думает о ней, и это приятно.

— Боже мой... — Она взялась ладонями за пылающие щеки. — Не помню, чтобы я была так счастлива... разве что когда вышла моя первая книжка. Ой! А позвонить? — Через минуту с радостью докладывала: — Па, все кончено, развелись!

— Поздравляю, — слышали оба голос Арсения Александровича по громкой связи. — А заявление подали? Со-
жительство явление дурное.

— Па, ты как Артем! В одном кабинете получила свидетельство о расторжении брака и тут же бегу в другой подать заявление о регистрации? Это как-то некрасиво.

— В понедельник подадим, — пообещал Артем.

— Па, Борька заартачился и не хотел разводиться!

— Я его понимаю. Снисходительных женщин мало, он это знает.

— Ха! Папа, моя снисходительность держалась на нелюбви к нему, вот и все. Папочка, пока. Хочу теперь в себя прийти.

— Дщерь, желаю тебе произвести хорошее впечатление на родных Артема.

Кинув трубку в сумочку, София опустила со лба на нос солнцезащитные очки, проговорив с сомнением:

— А если не понравлюсь твоей семье?

— С чего это вдруг? — не отрывая сосредоточенного взгляда от дороги, спросил Артем.

— Я все же была замужем, а ты у нас ни разу не был женат.

— Официально не был. Не бойся, отец с матерью простые деревенские труженики, добродушные и открытые, ты им не просто понравишься, а очень понравишься, потому что... Нет, это без вариантов. Я люблю тебя, значит, и они автоматом полюбят. Знаешь, страшней было